

РЕЦЕНЗИИ

Б. А. Плотников. О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989. 263 с.

Можно сказать, что в языке нет ничего, кроме значений и форм их выражения. а вся проблематика лингвистики так или иначе касается этих двух сторон языка. Непрестанно углубляясь в изучение отдельных элементов языковых форм или значений, лингвистика не выпускает из виду единство значения и формы, их неотделимость в конкретных языковых единицах, реально существующих в речевой деятельности. Доказательством тому служит и новая книга профессора Белорусского государственного университета Б. А. Плотникова.

Монография Б. А. Плотникова посвящена исследованию сложной диалектики взаимосвязей формы и содержания в языке. Ее лейтмотивом является мысль о внутренних противоречиях между формой и содержанием. С одной стороны, автор видит асимметричное соотношение формы и содержания в системе языка, являющееся следствием исторического развития языка, обусловленного в свою очередь развитием действительности и самого человека; с другой стороны, подчеркивается уравновешенность, устойчивость соотношения между формой и содержанием в функционировании языка.

Противоречивость отношений между формой и содержанием сводится к следующему: 1) к стабильности формы и текучести содержания: „В то время как форма стремится к постоянству и неизменности, содержание з силу своей природы имеет тенденцию к непрерывному изменению, развитию, совершенствованию“ (с. 4); 2) к стремлению языковой формы воплотить в себе как можно больше содержания и в противоположной тенденции содержания выразиться в как можно большем количестве разных форм; 3) к социальности формы и индивидуальности многих компонентов содержания; 4) к тенденции развития содержания от исходной наглядности к возрастающей абстрактности и к противоположному стремлению языковой формы к большей конкретности (ср. изобретение письма); 5) к возможности использовать для характеристики формы количественные показатели и невозможности количественной оценки содержания (с. 6).

И содержания, и языковая форма представлены как многослойные сущности со сложной организацией их компонентов. Так, например, различается форма внешняя (звукковая и письменная) и внутренняя, под которой понимается способ изобразительная содержания в языке, путь осмысления и освоения внешнего мира конкретным языком. Среди языковых значений традиционно различают ближайшие и дальние с последующим их делением на словарные, контекстуальные (ближайшие) и терминологические, прагматические (дальнейшие).

Связь звуковой формы с содержанием языка представляется двояко: как явная мотивация (звукотрагматические и звукоизобразительные формы) ч как скрытая мотивация, основывающаяся на связи определенных артикуляционных и акустических качеств звуков с соответствующими качествами предметов и явлений (область фоносемантики); отдельно рассматриваются связи с содержанием суперсегментных явлений.

Интересен анализ связей письменной формы языка с содержанием (следует отметить, что письменной форме в книге вообще уделяется много внимания). Автор показывает содержательную ценность таких особенностей письменного текста, как различные свойства буквенного шрифта (величина, цвет, способ написания графем), абзацы, материал, используемый для письма, и др. Аналогич-

но паразыковым средствам в устной речи в письменном тексте выделяются авербальные средства, которым до сих пор в лингвистике уделялось слишком мало внимания. Между тем авербальные средства в тексте играют важную роль для усиления экспрессивности сообщений. К ним относятся фотографии, рисунки, чертежи, схемы, таблицы, цифры и др. По мнению автора, «данный вид знаков органически связан внутренними и внешними отношениями с вербальными знаками, составляет с ними единое коммуникативное целое, обладающее усиленной мотивацией изображаемого содержания» (с. 60).

Внутренняя форма понимается как наличие мотивирующего признака в наименовании предмета, явления (с. 115). Внутренней форме в языке автор придает очень большое значение, считая ее наличие «природным свойством слова», утра- та которой «делает слово в какой-то мере ущербным, семантически неполноценным и неэкспрессивным» (с. 119). В книге находим много интересных примеров и рассуждений о роли внутренней формы в разных сферах общественной деятельности, о ее разновидностях, включающих проявление в языке индивидуальных свойств человека.

При рассмотрении внутренней стороны языка автор обычно пользуется понятием содержания, а термины «значение», «смысл» используются как синонимы. В книге хотелось бы найти более четкое разграничение того, что является содержанием (значением) языковой формы, а что – содержанием когнитивного сознания. Правда, имеются замечания о ближайшем и дальнейшем значениях, об отнесении к смыслу тех компонентов, которые индивидуализируют каждое новое употребление слова (с. 104, 165). Однако в связи с актуальностью разграничения собственно языкового и когнитивного содержания в теоретической лингвистике и значением этой проблемы в описательной лексикологии (лексикографии) хотелось бы видеть в книге более строгую постановку этого вопроса. В целом для автора характерно широкое понимание языкового содержания, о анализ очень часто предвстает как изучение концептов художественного и научного мышления, ср. одно из заключительных высказываний: «... языковая форма представляет собой не амстелище или сосуд для содержания, а лишь намек на него, подход к нему с той или иной стороны или просто своеобразную метку определенного содержания, качество, размер и объем которого почти целиком определяются знаниями и чувствами людей» (с. 233).

В книге рассматривается особый вид содержания – скрытое содержание, или пресуппозиция. Пресуппозиция понимается как «весь комплекс накопленных знаний (и коллективных, и индивидуальных) о данной реалии плюс те знания, которые часто вырабатываются ad hoc в процесса восприятия реалии или в ходе ее познания, изучения» (с. 81). В дихотомически построенной схеме различается В видов пресуппозиций.

Анализ отдельных вопросов формы или содержания представлен в монографии в тесном единстве этих обеих сторон языкового знака. Автор постоянно возвращается к проблеме его асимметрии. Способ решения этой проблемы виден из такого высказывания: «Форма и содержание в неподвижном языковом знаке (вне его употребления) находится в асимметричном соотношении, дисгармоничны, но в функционирующем языковом знаке стремятся к гармонии, симметрии, уравновешенности путем резкого ограничения в каждом новом сочетании своего содержания и расширения за счет этого же сочетания своей формы» (с. 107). Отсюда с необходимостью вытекает признание того, что синтагматические признаки языковой единицы входят в понятие языковой формы. Хотя это положение автором особо не эксплицируется, но внимательный читатель его может обнаружить (с. 112, 132, 142, 188).

Особый параграф посвящен типологии языковых форм и значений. Парспективным кажется предлагаемое автором изучение совпадений внешней и внутренней форм слов разных языков, соотношение формы и содержания при номинации одних и тех же предметов и явлений в разных языках. В качестве примера микро-типологического исследования приведен анализ наименований тематической группы обозначения продуктов питания в славянских языках.

Концепция Б. А. Плотникова опирается на уже устоявшиеся в советской лингвистике понимание языковой формы и содержания. Однако при рассмотрении, казалось бы, традиционных, но вместе с тем и всегда актуальных проблем автор подмечает новые аспекты, до сих пор не замеченные связи, углубляя понимание сущности языка. В монографии анализируются и такие явления, которые, может показаться, и не являются формой или содержанием языка в строгом смысле, как, например, письмо или графика, метаязыки, другие средства коммуникации и т. п. Однако семиотический анализ паразыкоязыковых явлений весьма интересен и актуален как с точки зрения значимости этих явлений в современной жизни, так и по причине недостаточного их описания.

Книга Б. А. Плотникова представляет собой научное исследование. Как работа синтетического характера она может быть использована в качестве дополнительного пособия по курсу общего языкознания филологами всех специальностей. Тем более, что она написана живым, понятным языком, содержит большое количество иллюстративного материала.

А. Гудвичюс

Шяуляйский педагогический институт
Кафедра современного русского языка

Март, 1989